

Л. В. Королькова

Русская лексика в современном
вепсском языке как источник
для изучения межэтнических контактов
прибалтийско-финского населения
юго-восточного Приладожья

Королькова Людмила Валентиновна, Российский этнографический музей, (С.-Петербург), отдел этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики, заведующая, кандидат исторических наук; korolkova@list.ru

В докладе представлены результаты исследования, посвященного сравнительно-историческому анализу заимствованной из русского языка лексики, которую используют вепсы для обозначения основных занятий населения и домостроительства. Автор определяет хронологические рамки этих заимствований, основываясь на исследовании письменных источников и сопоставлении их с данными лингвистики. Основными материалами для исследования послужили словари и атласы вепсского языка, научные публикации лингвистов Н. Г. Зайцевой, М. И. и И. И. Муллонен, С. А. Мызникова, писцовые книги и материалы по истории освоения юго-восточного Приладожья.

Ключевые слова: русский язык, русская лексика, вепсский язык, вепсская лексика, межэтнические контакты, межкультурные контакты, материальная культура вепсов.

Исследователи-лингвисты неоднократно отмечали, что значительное количество русской лексики в языке вепсов является следствием межэтнических контактов¹. Однако в какой исторический период времени это происходило, определено не было. Поскольку в вепсском словаре есть русские слова, вошедшие

в вепский язык в XIX–XX вв. (к примеру: ружье, пуля, стекло, самовар, чайник, сахар, книга)², логично предположить, что процесс заимствования русской лексики на протяжении всей истории проходил поэтапно. При этом каждому этапу соответствовал определенный набор заимствованных слов.

Для того чтобы выявить разновременные пласты лексических заимствований, был проведен сравнительный анализ русской и вепской лексики, используемой вепсами для обозначения основных занятий – охоты, рыболовства, животноводства, земледелия и домостроительства. Полученные материалы были сопоставлены с историческими источниками, содержащими материалы по истории хозяйственного освоения территории юго-восточного Приладожья, полная библиография которых содержится в диссертации «Северо-восточные районы Новгородской земли X–XVII вв. Формирование сети расселения и этнокультурные взаимодействия»³.

Исследование лексики, связанной с охотой, показало, что вепсы до XX в. сохраняли собственные названия: *mesnik* – охотник, *jouhik* – силос для ловли птиц из конского волоса, *taug* – лук для стрельбы, *tomar* – стрела для лука, *keijas* – рогатина (копье) на медведя и др. Русские заимствования, например такие как «порох», «ружье», «пуля», были незначительны и относились к лексике нового времени⁴.

Аналогичная ситуация характерна и для заимствований, связанных с рыболовством. У русских вепсы заимствовали такие названия, как сак (сачок), мёрда, мережа, бредень, багор. Остальная лексика, характеризующая промысел, имеет вепское (финское) происхождение: *кала* – рыба, *kaletada* – лов рыбы, *püdused* – рыболовные снасти, ловушки, *vada* – небольшой невод для лова с двух лодок, *ušte* – дорожка (рыболовная снасть), *ong* – удочка, *ongen* – рыболовный крючок, *ongirihm* – леска из конского волоса, *kibrik* – поплавок, *rado* – закол в реке, *laskän* – тоня (место рыбной ловли, невод с уловом), *kegekod* – сеть для ловли ряпушки и др.

Можно отметить, что последнее из перечисленных названий упоминается в писцовой книге Обонежской пятины второй московской описи. При описании оброка, поступающего с земельных владений, которые располагались в верховьях р. Оять, в источнике упоминаются «керекодиновские тони»⁵. Следовательно, этот термин сохранился с эпохи Средневековья, когда на указанной территории вплоть до 1930-х гг. сохранялись кусты вепских деревень, население которых практически не говорило по-русски⁶.

Большая часть лексики, связанной с животноводством и заготовкой кормов, также является вепсской по происхождению: *raimen* – пастух, *omalaine* – пастбище, *torv* – пастуший рожок, *lehm* – корова, *hebo* – лошадь, *lambaz* – овца, *kana* – курица, *länged* – хомут, *hiinantego* – сенокос, *sat* – копна сена, *hang* – вилы, *harau* – грабли, *lüpsand* – дойка, *lupsiragend* – подойник и др. Русские заимствования единичны: седло, стремя, кнут, серп. Схожая ситуация фиксируется и по отношению к терминам, связанным с земледелием и огородничеством. Из русского языка вепсы заимствовали такие слова, как: «мельница», «семя», «сноп», «косарь», «цеп» («приуз»), «грядка» и «лён» (для обозначения конопли). Также к русским заимствованиям относится название пилы сохи – *adr luzik*, (букв. «сошная ложка») ⁷, на что указывает слово «лузик», заимствованное у русских финнами ⁸.

Основной же массив земледельческой лексики является вепским: *kask* – подсека, *kündand* – пахота, *vago* – борозда на пашне, *ägeh* – борона, *vagota* – боронить, *here* – навоз, *karg* – овес, *nižu* – пшеница, *rugiz* – рожь, *ozg* – ячмень, *vill* – хлеб в зерне (жито), *kargma* – овсяное поле, *rüuvaz* – лён, *kego* – скирда хлеба, *kuhläz* – суслон, *kokš* – огородное орудие и др.

Немногочисленность русских заимствований можно объяснить тем, что в XV–XVI вв., когда сформировалась определенная система расселения вепсов, прибалтийско-финское население уже обладало навыками ведения комплексного хозяйства: выращивало рожь, овес, ячмень и лён, разводило скот (коровы, овцы) ⁹ и, естественно, использовало свою терминологию. Русское же влияние на хозяйственную деятельность этого народа было незначительным. Владельческие дворы, в которых проживали русские (бояре, либо старосты с семьями) на территории расселения вепсов, были единичными ¹⁰.

Лексемы, связанные с жилым и хозяйственным комплексами, имеют как вепские (прибалтийско-финские), так и русские названия, причем последние преобладают в названиях частей жилых построек. Из русского языка вепсы заимствовали такие слова, как «сруб», «венец» (ряд бревен в срубе), «слега», «курица» («петушиные» брёвна), «коньковое бревно», «сени», «окно», «подоконник», «рама», «матица», «печь», «половица» (рус. диал. «лага»), «потолок», «полати», «лежанка». Вепские названия сохранились для обозначения: строевого леса – *ragsmes*, бревна – *ragž*, плотника (рубщика сруба) – *sauvoi*, топора – *kirvez*, жилой постройки – *pert*, рундука, через который осуществлялся проход в подполье, – *karžin*, порога дома – *künduz*, очага – *kogo*. Можно

отметить, что указанная лексика встречается во всех родственных прибалтийско-финских языках.

Обращает на себя внимание отсутствие в вепском языке понятия «потолок» и «чердак». Полагаем, что это является свидетельством того, что у вепсов долго сохранялись жилые постройки без потолка (бревенчатого наката, отделяющего жилое помещение от крыши). Известно, что когда-то это было типично многих для жилищ прибалтийско-финских народов Северо-Запада России¹¹. В XIX в. похожий тип строений еще сохранялся у карел Сандовского р-на Тверской губ., но это были не жилые помещения, а одноэтажные хозяйственные дворы. Крыша этих сооружений опиралась на бревно, лежащее на двух-трех столбах, стоящих по центральной линии двора. В письменных источниках XVII в. эти постройки назывались «избы для скота»¹².

Поскольку у карел Бежецкого и Вышневолоцкого у. Тверской губ. высокие избы с подпольями, потолками и волоковыми окнами севернорусского типа известны по письменным источникам с XVIII в.¹³, а переселились карелы на эту территорию в XVII в., можно предположить, что вепсы, как и карелы, заимствовали русскую терминологию, связанную с домостроительством, не ранее XVII в.

Сравнение всего комплекса вепской хозяйственной лексики и русских заимствований и их же в других прибалтийско-финских языках¹⁴ показало, что большинство русских слов вошло в вепский словарь в XVIII–XIX вв. Именно в это время межэтнические контакты между русскими и вепсами становятся наиболее интенсивными, что было обусловлено включением рассматриваемой территории в сферу интересов российского государства: активизация лесозаготовок и торговли по Тихвинской водной системе. К наиболее ранним заимствованиям можно отнести такие лексемы, как: «семья», «серп» и «сноп», поскольку они вошли и в финский словарь.

---

¹ Зайцева Н. Г. Отражение вепско-русских контактов в вепском лексическом тезаурусе//Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2008. № 4. Филология. С. 79–83; Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. Вепская свадебная терминология в этимологическом и лингвогеографическом аспектах (вепское vs русское)//Научный диалог. 2019. № 10. С. 144–158.

² Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука. 1972. С. 54, 383, 438, 494, 523.

³ Королькова Л. В. Северо-восточные районы Новгородской земли X–XVII вв.: Формирование сети расселения и этнокультурные взаимо-

действия: дис канд. ист. наук. – URL: <https://www.dissercat.com/content/severo-vostochnye-raiony-novgorodskoi-zemli-x-xvii-vv-formirovanie-seti-rasseleniya-i-etnoku>.

⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Указ соч. С. 157, 160, 192, 383, 431, 438, 563, 574.

⁵ Гневушев А. М. Писцовая книга Обонежской пятины второй московской описи. Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира. Н. Т. Корчак-Новицкого. 1910. С. 55.

⁶ Лескова А. В. Вепсы. Фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Изд-во «Инкери», 2015. С. 155.

⁷ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Указ. соч. С. 19.

⁸ 35 финских слов, заимствованных из русского языка. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bwph-im4yu4> (дата обращения: 13. 10. 2023).

⁹ Гневушев А. М. Указ. соч. С. 55, 65, 78, 79.

¹⁰ Там же. С. 31, 38.

¹¹ Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов (из XXIV и XXV кн. Этнографического Обозрения). Москва: Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1895.

¹² Маслова Г. С. Материалы по этнографии карел Калининской области//Советская этнография. 1936. № 2. С. 80–86.

¹³ Там же. С. 84–86.

¹⁴ Русско-финский словарь/Сост. М. Ж. Куусинен и др.; Карел. фил. Акад. наук СССР. СПб: Алфавит, 1997.; Мухель В. Э. Русско-эстонский словарь/Сост. В. Мухель. 7-е изд. Таллин: Валгус. 1982.

UDC 811.511; 93/94

L. V. Korol'kova

Russian Words in the Modern Veps Language
as a Source for Studying Interethnic Contacts
of the Baltic-Finnish Population
of the Southeastern Ladoga Region

Korol'kova Liudmila Valentinovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of North-Western Russia and Baltic Regions, head department, Ph. D. (History); korolkoval@list.ru

The report presents the results of the comparative historical analysis of the vocabulary borrowed from the Russian language, which is used by the Veps to denote the main occupations of the population and housebuilding. The author makes an attempt to define the chronological framework of these borrowings, based on

the study of written sources and their comparison with the linguistics data. The main sources for the study were dictionaries and atlases of the Veps language, scientific publications of linguists like N.G. Zaytseva, M.I. and I.I. Mullonen, S. Myznikova, cadasters, and historic materials on the development of the south-eastern Ladoga Region.

Keywords: the Russian language, the Russian vocabulary, the Veps language, the Veps vocabulary, interethnic contacts, intercultural contacts, material culture of the Veps.